

«Съем слона», или Ритуалы попрания и подавления

18-летнего политузника Никиту Уварова этапируют во взрослую колонию. Репортаж из зала суда

Татьяна, Никита, Максим и Анна Уваровы. Перед приговором. Фото из семейного архива

09:43, 9 января 2024,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Никиту Уварова, главного героя [дела](#) канских подростков, на днях все-таки отправят по этапу во взрослую зону. В ней ему предстоит провести еще более двух лет, конец срока — 19 марта 2026 года. Судья Красноярского краевого суда Роман Кузнецов 9 января [отклонил апелляционную жалобу](#) защиты на постановление Канского горсуда (судья первой инстанции — Екатерина Козлова) о переводе Уварова в колонию общего режима, решение утверждено.

Уварова могли оставить в Канской воспитательной колонии (КВК) до 19 лет, и заявление об этом адвокат Владимир Васин в интересах Уварова подал, лично приехав в КВК 17 августа 2023 года, в 18-й день рождения Никиты. Никакой реакции (как позже выяснится, она все же была, но письмо из Канска до Красноярска шло почти месяц, и к кому сейчас претензии — к почте России?). И 11 октября судья Козлова вынесла решение об этапировании Уварова. С того времени до сего дня — в ожидании рассмотрения апелляции — Никита находится в СИЗО-5 Канска.

«Новая» располагает копиями заявлений Васина, ответа ему начальника КВК от 20 сентября прошлого года, конверта, в котором этот ответ пришел (штампель Канска — 23 сентября, штампель Красноярска — 18 октября, расстояние между городами 177 км, по трассе — 229), постановления Канского горсуда от 11 октября.

Адвокат Владимир Васин и Анна Уварова. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Перед слушанием в краевом суде адвокат Васин сказал «Новой»:

— Позиция защиты была такая. Я написал заявление об оставлении осужденного в КВК, подав прошение об этом официально в учреждение, в канцелярию. После чего ждал письменного ответа, чтобы в случае отказа обжаловать. Но до самого суда первой инстанции не получил никакого ответа, о чем и заявил судье Козловой: сторона защиты фактически была лишена доступа к правосудию. Мы просили суд отложить и дождаться письменного ответа, чтоб разобраться и понять, оставили Уварова в КВК на год или нет, но суд отказал нам во всем. Увы, но в сегодняшней системе координат (с учетом государственной политики) у осужденных по подобным статьям практически нет шансов на какое-либо смягчение или снисхождение.

Находящегося в канском СИЗО Никиту в Красноярск не привезли, подсоединили по видеоконференцсвязи (ВКС). На суд приехала мать Анна Уварова, ее сестра и крестная Никиты Татьяна, ее сын (и очень близкий Никите человек, они погодки) Максим. Приехали с одной целью: увидеть Никиту хотя бы по ВКС и поддержать его. Но ВКС в большом зале крайсуда настроена так, чтобы подсудимый или осужденный не мог видеть тот край зала, где скамьи для пришедших на заседание. Он видит только судью, секретаря, прокурора и защитника. Потом,

когда судья удалится на несколько секунд для принятия решения (оно стремительное, все заседание заняло 14 минут), секретарь позволит родным подбежать в ту часть зала, где Никита мог бы их увидеть, и они действительно увидели друг друга, помахали руками, но и только.

Почти ничего не успели друг другу сказать — судья вернулся.

Против съемки заседания возражает прокурор — девушка с погонами подполковника. Она заявляет, что в судебном заседании отсутствует представитель ФСИН, а «без выяснения мнения данного учреждения съемка невозможна». Но, как видим, без представителя ФСИН возможно само рассмотрение дела — против этого прокурор не имеет ничего. И судья Кузнецов запрещает съемку заседания — только оглашение решения.

В зале суда. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

На доводы защитника, что Канский горсуд вынес решение без формального ответа ФСИН (на заявление об оставлении Уварова в КВК), не имея на руках никакой бумаги от тюремного ведомства, опираясь только на слова, прокурор замечает, что это «не имеет значения»: Уваров оказывал отрицательное влияние на других воспитанников детской колонии, а потому должен быть переведен во взрослый лагерь. Меж тем хронология пяти полученных Уваровым в КВК взысканий красноречива сама по себе: долгое время никаких нареканий не было, затем, ближе к 18-летию, одно за другим сразу набралось пять (на мой взгляд, со стороны, все по незначительным, если не смешным поводам). Адвокат Васин спрашивает у подзащитного, сколько взысканий он получил после этого в СИЗО, где он с октября. Ни одного.

Судья удаляется и возвращается: постановление Канского горсуда оставить без изменения, жалобу адвоката — без удовлетворения. На выход. Мимо столовой для судейских «Съем слона» (это вывеска такая; федеральная сеть столовых). Если б только слона.

В суде. Анна, Максим, Татьяна. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Максим спрашивает: «Он меня хоть увидел? Меня было видно?»
Васин говорит Анне: «Сейчас еще в армию вербовать начнут».

И сами Уваровы, сын и мать, бабушка и дедушка Никиты, вся родня (накануне этого заседания я ездил в Канск) — все понимали, что любые возражения против перевода во взрослую колонию государство отметет. Но Никиту еще можно было попробовать задержать хоть на какое-то время в его родном Канске — и это, в общем, получилось. Дальше начнется совсем другая история. На этап он уйдет, когда в Канский СИЗО поступит из Красноярска решение с синей печатью. Что-то подсказывает, оно вряд ли будет идти целый месяц, как ответ Васину из КВК.

Если для малейшего послабления жерновов требовались титанические усилия, то усиление их нажима происходит само собой.

Все эти перемены — ожидание этапа, он сам, потом карантин во взрослой колонии — накладываются на возможность свиданий, учебы (в этом возрасте человек должен учиться), элементарных жизненных потребностей (осложняемых тем, что Никита — вегетарианец).

И вот смотрите, что происходит: это совсем не эксцессы, совсем не удивительные вещи. Это скорее ритуальные унижения. Не гнобление и глумление (как это бывает — известно), а обыденность, порядок вещей, уже включающий в себя поправление и насмешку. Во всяком случае так это воспринимается со стороны, так это кажется и Анне, матери Никиты.

После суда. Анна и Максим. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

— Долговременные свидания — раз в три месяца, — рассказывает она. — У нас в середине декабря подошел как раз срок; на короткие-то ходили — в СИЗО через стекло, но это же совсем не то. Ну и вот, срок подошел, и это, по всей видимости, последний раз, когда мы тут, рядышком, и можем увидаться. Я пришла в СИЗО договариваться. Подхожу к дежурной в окошке.

Она знает, какое время уже кем-то занято, когда свободно, она же заводит и выводит, принимает сумки, все через нее идет. Спрашиваю, когда можно? Она: ну мы и в субботу работаем. О, вообще классно. Тогда давайте в эту же субботу прямо и пойдем. Все, с ней договариваюсь, спрашиваю, тепло или холодно, она рассказывает. Я ей говорю: ладно, тогда заявление напишу и пораньше принесу, чем в субботу — может, начальника у вас нет по субботам.

В общем, я у нее в понедельник спросила, во вторник, она мне сказала, что всё нам дают, и я такая довольная, что даже день выбрала и время, и уже все решено — я на крыльях полетела. В четверг принесла заявление. И вечером мне звонит тот же из начальственного состава СИЗО, кто предлагал отозвать нам апелляцию: «Я тут смотрю, вы заявление подали на свидание. Но я могу вас записать только с 19 января, только тогда будет возможность». Я говорю: как? Я уже собралась. Все сумки, все вещи, продукты. Я уже мысленно там. Нет, говорит, все занято. А я уже и Никите сказала о свидании — он как раз позвонил. И я говорю начальнику: ну вы тогда, пожалуйста, ему скажите, чтобы не ждал нас тогда. «Да, конечно, обязательно».

Чуть ли не через неделю Никита звонит. Я ему говорю: видишь, сына, как получилось со свиданием. И тут выясняется, что он нас ждет, тот ничего ему не сказал. Я бы знала, хоть сама бы написала ему в письме. Думала, проводим с ним Старый год.

Анна и Никиты Уваровы. Фото из семейного архива

Ладно, пока он здесь, и я почти каждую неделю стараюсь ему что-то принести — есть он тюремную еду не может. Ну, не каждую неделю — все думаю, что это уж чересчур будет. Но фрукты покупаю, на «Озоне» колбасу веганскую. Последний раз звонит (а звонит редко): мама, почти все пропало, холодильника нету. Его же водят из камеры в камеру, он уже сколько тут в СИЗО сидит, где только ни был. Сидят втроем сейчас, все с КВК. Что смогли, съели. А я ему отнесла как раз к Новому году. И столько дней без холодильника.

В общем, пошла 5 января — работать уже стали (СИЗО). У этой в окошке спрашиваю, как быть с холодильником. Она: ну позвоните (тому самому начальнику). Звоню — нет на месте. Снова к дежурной, спрашиваю, к кому еще обратиться можно. «Я сейчас позвоню, спрошу. Вам перезвоню». После обеда звонит: холодильники мы даем только несовершеннолетним и

женщинам. Я говорю:

«Вы хотите сказать, что у вас все мужчины сидят без холодильников?» — «Ну да, мы ему дадим, когда будет возможность. Сейчас возможности нет». — «Ну его же еще не перевели на общий режим». — «Ну не перевели, но он у вас уже повзрослевший».

И я, наверное, больше не понесу ему в СИЗО передачи, хотя когда его реально вывезут, еще непонятно. Но если я ему здесь передам продукты, это засчитается, и в колонии я смогу повторить передачу только через два месяца. Я не понимаю, как и почему так. Я думала, что 30 кг в месяц или 20, сколько там можно, никто здесь мне ничего толком не объяснит. Единственное, что хорошо — можно будет туда приехать к нему сразу после карантина, раз у нас уже подошло свидание.

Тот начальник, однако, меня все-таки записал на 19 января. Я ему еще говорю: ну, если вдруг освободится место пораньше, может же быть такое... «Хорошо, я вам сообщу». Ага, так же, видимо, как и Никите сообщил до этого.

Ну и мне кажется, что со свиданием нашим не все так просто. Когда мне начальник позвонил, что все занято, я на следующий день к 8 утра ведь снова пришла к ней, той дежурной. Ой, говорю, вы чего-то мне так спокойно сказали, что без проблем свидание состоится, а теперь что получается? Что, вы не знаете, занято или нет? Ну да, говорит, я не знаю. Она такая разговорчивая всегда, работает давно, еще когда Никита до приговора в СИЗО сидел, и нормально всегда со мной... А тут она глазки опустила. Я говорю: а где мое заявление, которое я принесла вчера? «Я его уже смяла и выкинула». — «Давайте я

новое напишу». Зачем только, не знаю, но накатала новое заявление. Также на субботу и внизу подписала: «Прошу в случае отказа письменно ответить». Сказали, что в течение 10 дней дадут ответ.

Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Учиться Никите оказалось просто нереально. Напомню, летом он поступил платно на графический дизайн в Международный восточно-европейский университет — это Ижевск, это и колледж, и вуз. Никита зачислен в колледж, учиться два с половиной года, но даже начать он пока не может. Понятно, что весь процесс обучения — онлайн, нужен мощный комп со множеством профильных программ, постоянный доступ к интернету. Ничего этого нет. «У меня уже были мысли взять в кредит компьютер, оформить им в пожертвование, что ли, — говорит Анна. — Оставить потом его им, лишь бы дали ему учиться». Но это не решит проблемы. Еще там нужна производственная практика... Хотя поступать именно в это учебное заведение настойчиво рекомендовали в КВК и говорили, что все проблемы преодолимы.

Анна рассказывает, что ничего не может решить за Никиту, даже перевод на другую специальность требует серьезного разговора с ним, к чему и готовилась на предстоящем свидании, но... вышло вот так.

Уварова переводят скорее всего в ИК-31 Красноярска, как ранее «Новая» [и писала](#). Во всяком случае, со слов Никиты, в спецотделе ему сказали [именно так](#). Новый его адрес мы сообщим, как только он нам станет известен. Но если вы готовы написать Никите в ближайшие дни в Сети, сделайте это — пока электронные письма принимаются по прежнему адресу (СИЗО-5 Канска Красноярского края).

Еще одного сибирского политзаключенного Михаила Афанасьева уже этапировали из СИЗО Абакана. По достоверным данным из нескольких источников «Новой», сейчас он в карантине ИК-35. Это [почти по соседству](#), на той же окраине Абакана. 28 декабря (видимо, утром) он успел написать адвокату Васину (он защищает и его), что «сегодня переводят в колонию». 27 декабря электронные письма в СИЗО для Афанасьева еще принимали, 28-го два (из известных мне) письма от разных людей — из Москвы и Красноярска — уже к доставке не приняли. Они перенаправили письма на ИК-35 (она тоже подключена к сервису ФСИН-письмо), но пока подтверждения о вручении адресату нет — цензоры тоже гуляют и отдыхают со страной.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Нежности нет, есть Уголовный кодекс](#)

18-й день рождения Никиты Уварова отметили его родные и адвокат. Репортаж в отсутствие главного героя и в его ожидании

13:04, 23 августа 2023, Алексей Тарасов

[«Пытаюсь остановить свое дыхание»](#)

Приговор Михаилу Афанасьеву косметически подправили и утвердили

11:57, 18 декабря 2023, Алексей Тарасов